

Цзи Чи быстро пришёл в себя и как ни в чём не бывало сделал ещё глоток воды.

Увидев его виноватый вид, Линь Цзюнь уже примерно всё понял.

— Не знаком? А кто в прошлый раз обзванивал всех подряд, разыскивая его?

О том случае Линь Цзюнь и Цзи Шэнмин знали немного, потому что водитель был подкуплен Цзи Чи.

Вернувшись домой, Цзи Чи ни словом не обмолвился о произошедшем.

Так всё и сошло на нет.

Сегодня Линь Цзюню пришлось спросить сына лишь потому, что другого выхода не осталось.

— Значит, всё-таки знакомы, да?

— В прошлый раз... в прошлый раз я просто обознался. С Хо Цзином мы почти не знакомы. — Цзи Чи отвернул голову и не посмел посмотреть на Линь Цзюня.

Он действительно не хотел и не мог больше иметь ничего общего с Хо Цзином.

Тем более теперь, когда узнал о его положении. Как ни посмотри, тягаться с Хо Цзином ему не по силам. Раньше Цзи Чи считал, что между их статусами пропасть, и теперь выходило, что это утверждение всё равно верно — просто тот, кто наверху, и тот, кто внизу, поменялись местами.

Он обязан держаться от Хо Цзиня подальше.

Три года пройдут — ему будет всего двадцать четыре. Впереди всё равно светлая жизнь, молодой господин сможет развлекаться как захочет.

— Почти не знакомы... Значит, всё-таки знакомы? — снова спросил Линь Цзюнь, и его взгляд вдруг оживился.

Цзи Чи ничего не ответил. Линь Цзюнь достал стопку документов, лежавших сбоку от его стула, и положил перед сыном.

Он опустил глаза. Здоровье у Линь Цзюня и без того было слабым, а сейчас в нём появилась болезненная хрупкость.

— Папа, не переживай так. Ничего страшного не случится.

Линь Цзюнь покачал головой.

— В одном Омега-ингибиторе компании твоего отца нашли галлюциногенный компонент. Из-за этого акции группы Бошэнь резко упали. Он уже очень давно нормально не спал.

— Галлюциноген? — Цзи Чи нахмурился и серьёзно выпрямился. — Разве в медицинских компаниях отца не запрещено использовать галлюциногенные вещества?

Это уже не мелочь.

Это нарушение закона.

Линь Цзюнь тяжело вздохнул. Он почти никогда не переступал порог компании; всеми крупными и мелкими делами Бошэнь управлял Цзи Шэнмин. И если даже Линь Цзюнь из-за этого выглядел настолько измученным, серьёзность ситуации была очевидна.

— Если бы проблема действительно была в компании твоего отца, мы бы приняли последствия.

Помолчав, он продолжил:

— Эта фармацевтическая группа была куплена твоим отцом полгода назад. А ту партию ингибитора ещё до реорганизации Бошэнь в огромном количестве выпустили на рынок, чтобы вернуть оборотные средства.

— Из-за сроков договора партия фактически поступила в продажу через неделю после приобретения.

— Проблему обнаружили уже после покупки. А конкуренты скупили новости и везде пишут, будто продукт разработала Бошэнь. Наши опровержения вообще не помогают.

— Теперь Омега коллективно бойкотируют ингибиторы всех компаний группы Бошэнь.

— У одного Омега появились суицидальные наклонности. Бошэнь полностью компенсирует пострадавшим ущерб и расследует причины, но того Омега подкупили, поэтому скандал не утихает.

— Дело дошло до муниципальных властей Цзянчэна.

— Бошэнь вызвали на официальную беседу.

Новости одна за другой били, как взрывы, лишая слов.

Цзи Чи прищурился. Бизнес Цзи Шэнмина его никогда не интересовал. Ещё в университете он создал собственную компанию: решил, что на индустрии развлечений можно заработать, — открыл фирму и подписывал актёров. Его дела никак не пересекались с Бошэнь, а новости шоу-бизнеса и деловые сводки вообще находятся в разных разделах, поэтому он действительно не знал, что у Бошэнь всё настолько серьёзно.

Цзи Чи быстро пролистал документы. В такой ситуации собственные опровержения, конечно, бесполезны.

Его взгляд пробежал по страницам, и через две секунды он вынес решение.

— Можно попросить Высшее ведомство провести проверку и выступить с официальным разъяснением в пользу Бошэнь.

Если это прозвучит на первом канале, хватит даже десяти секунд, чтобы переломить ситуацию.

— На одобрение заявки уходит минимум полгода. — Линь Цзюнь потёр переносицу. — Полгода. Ты не представляешь, каких убытков это будет стоить.

— Из-за этой истории перестали продаваться все ингибиторы группы Бошэнь. Мы не можем столько ждать.

Тревога была написана на его лице. В мягких чертах смешались беспомощность и тяжёлая печаль.

Он посмотрел на Цзи Чи.

— Господин Хо — судья Торговой ассоциации Высшего ведомства. В делах Цзянчэна его слово имеет вес.

Линь Цзюнь тихо сказал:

— Твой отец хотел пригласить господина Хо на ужин, но уже полмесяца не может найти к нему подход.

Хо Цзинь...

Взгляд Цзи Чи дрогнул. В груди будто застрял ком ваты.

Опять Хо Цзинь...

Лицо Цзи Чи постепенно помрачнело. Он больше не хотел продолжать разговор, поправил одежду, поднялся — по виду ничего не разобрать.

— Я съезжу в компанию.

— И ты, папа, не переживай так.

С этими словами Цзи Чи взял куртку и вышел.

Линь Цзюнь крайне редко говорил с ним о делах компании. Ради своего папы Цзи Чи обязан был хотя бы посмотреть, что происходит.

Если сегодня Линь Цзюнь из-за одной случайной зацепки обратился к Цзи Чи, значит, других путей действительно не осталось.

Цзи Чи это тоже понимал.

Он сел в машину с водителем и поехал в компанию.

Единое право решающего голоса международных торговых ассоциаций находилось у Высшего ведомства: скажут исправлять — будешь исправлять.

Один официальный документ мог снять с продажи всю продукцию компании, принудительно убрать её с рынка. Государственные распоряжения с красной печатью были жёстче любой блокировки и не знали частных одолжений.

А Хо Цзинь отвечал за Цзянчэн.

Отец ещё и мечтал пригласить его на ужин.

<http://bllate.org/book/21281/2160801>